

Он привел его в поместье генерала.

Мальчик, зажмурившись и нахмурившись от боли, сжался в кадушке с лекарственным отваром, его била крупная дрожь.

По поверхности воды плавали пучки неведомых ему трав — по одному их виду было понятно, что они стоят целое состояние.

Лу Янь чувствовал невероятную гамму эмоций. Этот лунный бог и правда не скупился.

Танси Чэнь изначально хотел позвать слуг, чтобы те обмыли мальчишку, но почему-то при одной этой мысли его охватило раздражение.

Поэтому юному генералу, который терпеть не мог лишних хлопот, пришлось невесть зачем самому стоять здесь и смотреть, как тот принимает ванну.

Он видел, как на худощавом бледном теле мальчика пересекаются старые и свежие шрамы.

Нахмурившись, он подошел ближе и коснулся пальцами горла ребенка, где багровел жуткий след от пальцев.

— Кто это сделал?

Иметь дело с человеком, у которого есть нить судьбы, — сплошная морока. Использовать обычные методы, чтобы что-то высчитать, было невозможно.

Лу Янь отвел взгляд и промолчал.

Танси Чэнь вздохнул и сложил пальцы в заклинание. Упрямец невольно открыл рот. В глазах мальчика промелькнуло удивление и борьба, но уже через секунду он покорно заговорил:

— Мой отец. Он сказал, что в тот день, когда я родился, умерли мои дедушка и бабушка. Поэтому он хотел, чтобы я умер. Он каждый день пытался задушить меня, не знаю, почему я до сих пор жив.

Рассказывая об этом, он не выказал ни капли эмоций, ни тени ненависти, словно сам уже поверил, что он — проклятое дитя, несущее всем смерть.

— Потом, когда мне исполнилось пять, умерла мать, и он выставил меня за дверь. В прошлом году, когда мой старший брат провалил экзамены, отец снова нашел меня — я тогда был нищим. Запер в сарае и поджег. Когда я уже думал, что умираю, внезапно пошел дождь. Он решил, что я еще страшнее, чем думал, и нанял кого-то, чтобы меня выбросили на кладбище. Я хотел выбраться сам, но стоило мне отойти от кучи трупов, как я начинал чувствовать нестерпимую, пронзающую боль. Чем дальше я уходил от той ямы, тем больнее становилось...

Но когда этот человек забрал его, боли не было.

— Тебе не следовало меня забирать...

Танси Чэнь, чьи пальцы подрагивали, вытирал тело мальчика, стараясь не задевать гниющие раны.

— Ненавидишь?

Если он ненавидит, то тогда...

— Нет.

Мальчик, скованный Заклинанием правды, произнес это слово. Танси Чэнь посмотрел на него и промолчал.

— Тебе не следовало приводить меня сюда, — повторил он. Этот человек пострадает из-за него.

Танси Чэнь щелкнул его по лбу, снимая заклинание.

Затем он принялся менять повязки. Глядя на худое тело мальчика, он заметил на коже какие-то знаки. Он подался вперед, чтобы рассмотреть получше. Лу Янь попытался оттолкнуть его, но было поздно. В тот момент, когда Танси Чэнь разобрал написанное, его зрачки сузились. Там было четко выведено: Год Бин-шэнь, месяц Гэн-цзы, день Синь-хай, час, когда сотни призраков несут гробы в самый темный час инь.

Лу Янь застыл, в его глазах отразилось унижение. Раньше он замазывал это грязью.

Он не ожидал, что лекарственная ванна смоет всё, и теперь эта мерзость предстала перед глазами генерала.

— Он вырезал это, чтобы все меня сторонились.

— Это даже хорошо, — добавил он, стараясь придать голосу легкость, чтобы не видеть в глазах божества безгливости или страха. — По крайней мере, люди видят и обходят меня, не обижают.

Танси Чэнь слегка постучал его по голове, голос его прозвучал хрипло:

— М-м...

Как это могло быть правдой? Другие ведь не видят, да и грамотных людей в мире так мало.

Его длинные изящные пальцы принялись бережно распутывать сухие пряди волос Лу Яня, терпеливо вынимая из них всякий сор.

— У тебя необычные серебристые волосы.

— Они говорят, это признак проклятого ребенка.

— У кого из проклятых детей такая красивая внешность? И такой бестолковый характер — даже не пытается отомстить.

Как он мог быть таким послушным? Сердце Танси Чэня дрогнуло, захотелось даже отвесить ему подзатыльник за такую кротость.

Лу Янь закрыл глаза и промолчал. Он был послушным не потому, что имел мягкое сердце, а потому, что знал: виноват он сам.

Если бы не он, проклятый, разве умерла бы его семья? Разве гибли бы другие нищие дети? Разве стал бы он изгоем, которого все гонят?

Он думал о том, что, когда наберется сил, уйдет от этого человека. Но тот сказал, что он

красивый...

Вдруг на лицо мальчика упала теплая капля. Она обожгла кожу, заставив сердце сжаться от боли. Худой мальчишка сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони, и кровь тайком окрасила воду в кадushке.

— Хочешь сменить имя?

— Ты ведь сам сказал, что ненависть — это твое дело, так что менять ничего не нужно.

Голос этого благородного божества звучал так живо и чисто, что его собственное имя в этих устах казалось невероятно красивым.

— Я же говорил: на голодный желудок пить нельзя!

Мальчик прижал руку мужчины, который уже тянулся к чарке, и поставил перед ним только что приготовленную свиную рульку.

— Генерал выпьет глоток, и желудок уже не будет пустым, — отшутился Танси Чэнь, но всё же послушно отставил чарку и принялся за рульку, которая, честно говоря, вышла не самой вкусной.

Он поднял глаза на юношу.

Лу Янь жил в поместье генерала уже год. Тот маленький больной котенок за этот год окреп: ушла болезненная сутулость, плечи расправились, а спина стала прямой, как у молодой ивы.

На когда-то впалых щеках появился здоровый румянец, линия подбородка стала четкой, как высеченной из камня, хотя в чертах лица еще сквозила юношеская дерзость. Танси Чэнь усмехнулся и, ухватив его за подбородок, заставил склониться:

— Наш милый малыш становится всё краше...

Юноша покорно опустил голову, в его взгляде читалась ясность и преданность:

— Это всё благодаря заботе генерала.

Он понял, что за всё это время, проведенное рядом, с человеком ничего не случилось. Значит ли это, что он не приносит несчастья?

К тому же, этот человек так могущественен, с ним ведь всё будет хорошо? Он может остаться рядом?

На второй год.

Танси Чэнь зажал уши. Он не понимал, когда же этот послушный и милый зверек так изменился.

— Танси Чэнь, не пей тайком...

— Танси Чэнь, нельзя пить вчерашний чай...

— Танси Чэнь, ты плохо ощипал кролика и не прожарил его, вставай, я сам сделаю...

А потом он стал еще строже и начал вести себя как щенок: чуть не видит его — сразу начинает скулить.

— Даже братом не называешь, никакой вежливости, — Танси Чэнь дернул его за ухо, поучая.

Лу Янь покорно склонил голову, позволяя себя воспитывать.

— Назови меня братом.

— Брат...

...И снова день покорности.

— Ты сказал, что если поранился, сразу скажешь мне! Почему опять обманул? Говорил, не болит, а как такая рана может не болеть!

Юноша с покрасневшими глазами перевязывал ему руку.

— Это чтобы ты не плакал, — усмехнулся тот.

— Я не плакал...

— Хорошо, не плакал.

...

— От леденцов зубы болят, больше не ешь, — Лу Янь опустил глаза, собирая со стола гору фантиков.

Он был в ярости: ведь просил же, лекарства нельзя совмещать со сладостями, стоило отвернуться на миг, как тот уже всё съел!

Танси Чэнь, развалившись на кушетке, рассмеялся:

— Ну и зануда, ты что, мой дворецкий?

— И не собирался...

И правда, не собирался быть никаким дворецким!

Крепкое вино на пиру в честь победы было заменено на целебный отвар. Лу Янь стоял у окна за пределами шумного зала и постукивал по раме.

Когда захмелевший генерал вылез через окно, он как раз столкнулся с ним. Мальчик держал миску с отваром для протрезвления:

— Если будет болеть желудок, не проси меня его массировать.

Лунный свет упал на плотно сжатые губы юноши. Танси Чэнь внезапно склонил голову и прижался к его плечу, сияя улыбкой:

— А он уже болит.

От него пахло сливовым вином. Лу Яню показалось, что он сам захмелел. Его пальцы, массирующие живот генерала, слегка дрожали.

Сегодня юный генерал вопреки обыкновению не стал валяться в постели. Даже Лу Янь, спавший в боковой комнате, еще не проснулся, а тот уже вскочил ни свет ни заря и побежал на кухню.

Лу Янь, быстро умывшись, бросился следом и услышал:

— Нет, это слишком сложно! Сложнее, чем тот день, когда я отвоевал власть над армией!

Хотя мужчина и ворчал, он молча вылил неудачное тесто, в котором было слишком много воды, и начал замешивать новое.

Кухарка вздохнула:

— Ладно, для начала налейте поменьше воды, а если будет мало, добавьте...

— Хорошо-хорошо, медленно, — хмыкнул он. — Ну, я всё равно молодец!

Он с гордостью смотрел на свои комки теста — не так уж это и сложно!

Кухарка, сдерживая смех, задрожала:

— Юный генерал, лапша долголетия должна быть из одной цельной полоски...

— ...Ну, тогда я ее сейчас обратно слеплю.

Лу Янь вошел в кухню и увидел полный разгром.

Лицо генерала было в муке, лунно-белый халат стал почти белым. Лу Янь вытер его рукавом и с досадой сказал:

— Брат, что ты хочешь сделать? Давай я помогу?

Брат во всём был хорош, но кулинария была его слабым местом...

Танси Чэнь потерся лицом о его грудь, и Лу Янь стоял, позволяя использовать себя как полотенце.

Только когда он перепачкал и его, генерал с довольным видом отстранился:

— Это я сделаю сам, ты просто смотри.

— Брат...

— Слушайся, щенок.

— ...

Танси Чэнь схватил солонку и уже собирался высыпать ее в котел:

— У меня определенно есть талант...

Лу Янь поспешил перехватить его запястье:

— Брат, одной ложки хватит...

Кто он хочет отравить?

— Ну ладно.

Спустя долгое время юный генерал вынес миску с толстыми, неровными кусками теста и поставил перед ним с сияющей улыбкой:

— А-Янь, с днем рождения.

Ресницы Лу Яня дрогнули. Пальцы, которыми он хотел помочь, так и застыли в воздухе. Он смотрел на этого улыбающегося человека:

— Брат? — тихо произнес он, голос его почти не был слышен. — Брат... мой день рождения не...

Танси Чэнь прервал его, усадил на стул и спрятал обожженные пальцы за спину:

— Именно сегодня. День, когда я нашел тебя.

Тот, прежний день был плохим, он не достоин его А-Яня.

— М-м.

Мальчик послушно сел и стал большими глотками есть лапшу, которая была такой соленой, что горчила. Но он ел ее так, словно это был самый изысканный деликатес в мире. Прикрывая рукой те самые уродливые знаки на груди, он быстро съел всё до последней крошки.

<http://bllate.org/book/22283/2333097>